

На следующее утро, проснувшись, Сун Цзиньюй по привычке протянул руку к соседней стороне постели, но нащупал лишь холодную простыню — Шэнь Цинцин давно встала.

Воспоминания о прошлой ночи, полной страсти и неги, вызвали у него приятное томление. Казалось, он подсел на это, словно на дурман, и теперь не мог насытиться. Мужчина невольно усмехнулся.

Он поднялся с постели и велел слугам помочь ему одеться. Выйдя из спальни в главный зал, он увидел Шэнь Цинцин. Она сидела перед туалетным столиком из желтого дерева, украшенным резными изображениями пионов и лазурных птиц, и позволяла служанкам подводить брови и накладывать макияж.

Стоило ему вспомнить вчерашнюю близость, как при виде Шэнь Цинцин сердце снова затрепетало: она была ослепительно прекрасна. Сун Цзиньюй, конечно, не догадывался, что всё это — лишь морок. В действительности Шэнь Цинцин даже не ночевала с ним в одной комнате, не говоря уже об одной постели.

Шэнь Цинцин, разумеется, заметила, что император проснулся. Вид его ярко-желтого халата вызвал у нее лишь раздражение. Однако, не подавая виду, она продолжала спокойно сидеть, пока служанки завершали свой труд.

Некоторые мужчины по натуре своей низки: стоит тебе игнорировать их, как они тут же начинают ценить тебя как величайшее сокровище. Сейчас Шэнь Цинцин взяла на вооружение тактику холодного равнодушия, намеренно не замечая его. С одной стороны, ей действительно не хотелось с ним разговаривать. Каждый лишний взгляд или слово в его адрес были для нее испытанием терпения.

Шэнь Цинцин старалась не обращать на него внимания, но Сун Цзиньюй, едва заметив ее, тут же направился к ней. Вот оно что — красавица занята туалетом, неудивительно, что ее не было рядом. Стоило ему представить ее кожу, белую как снег, которая при возбуждении покрывалась легким румянцем, и этот манящий блеск в глазах, как кровь прилила к лицу. Она была невероятно соблазнительна.

На самом деле, та женщина, чей образ был создан в его сознании наркотиком, вовсе не была Шэнь Цинцин — это был лишь плод его собственных желаний, принявший форму женщины. Но, проснувшись, он был уверен, что героиней его сна была именно она.

Подойдя к Шэнь Цинцин, он заботливо произнес:

— Цинцин, почему ты встала так рано? Могла бы еще поспать.

Шэнь Цинцин жестом велела служанкам остановиться и, повернувшись к Сун Цзиньюю, одарила его цветистой улыбкой:

— Потому что сегодня важный день, нельзя опаздывать.

В первый день после свадьбы императора и императрицы по дворцовому уставу полагалось принять приветствия от наложниц и знатных дам. Сун Цзиньюй понял, что она имела в виду. Глядя на ее лицо, ставшее после макияжа еще более ярким и притягательным, он почувствовал, как пламя внутри разгорается сильнее. Но сегодня и вправду предстояло много дел.

После завтрака они вместе отправились принимать поздравления. Шэнь Цинцин поставила перед собой четкую цель: в ближайшее время разобраться с Линь Ханьшуан.

В главном зале уже собрались наложницы. Император и императрица заняли свои места. После того как все склонились в поклоне, наложницы начали украдкой разглядывать Шэнь Цинцин. Они были поражены ее неземной красотой: никто и не подозревал, что императрица настолько ослепительна. Раньше они считали Линь Ханьшуан, ныне госпожу Линь, эталоном красоты, но по сравнению с императрицей та словно потускнела. Как светлячок может тягаться сиянием с солнцем и луной?

Шэнь Цинцин, сидя на возвышении, окинула взглядом присутствующих. Ее внимание привлекла женщина, сидевшая напротив Линь Ханьшуан. Она была одета в персиково-розовое платье с парчовой каймой и сидела так тихо и благородно, словно сошла с полотна искусного художника.

В оригинальной истории эта женщина не раз помогала главной героине. Когда ту сослали в Холодный дворец, где она терпела насмешки, голод и холод, именно эта наложница тайком присылала ей еду, теплую одежду, лекарства и редкие снадобья вроде ослиного клея и линчжи. Если бы не она, Му Цинцин не дожила бы до дня, когда яд начал действовать, и погибла бы гораздо раньше.

Шэнь Цинцин напрягла память и вспомнила, кто она такая: дочь генерала Сюя, недавно прибывшая во дворец и получившая титул Чжуан-фэй. Семья Сюй... Не о них ли говорили в павильоне Цзючуань Цзиньсю? Мол, молодой генерал Сюй умен и талантлив, с юных лет умирал границы. И самое главное, поговаривали, что он был безответно влюблен в Линь Ханьшуан.

Забавно, что брат и сестра Сюй оказались столь разными: одна — благотельница, другой, в некотором смысле, принадлежал к враждебному лагерю. Шэнь Цинцин это мало волновало. Главное, что Чжуан-фэй была добра к ней. Она всегда четко разделяла добро и зло: за обиды — карать, за добро — платить добром. Теперь она обязательно позаботится о Чжуан-фэй.

Шэнь Цинцин посчитала, что говорить с остальными не о чем. Ритуал прошел, формальности соблюдены — впереди еще много времени.

Тем временем Линь Ханьшуан, глядя на сидящую высоко над ней Шэнь Цинцин, не могла скрыть затаенную злобу. Ей казалось, что эта женщина отняла у нее почести и положение, которые по праву принадлежали ей.

Когда Сун Цзиньюй был еще принцем, он давал ей смехотворные клятвы о любви до гроба. Но, попав во дворец, она увидела, как он одну за другой принимает наложниц. Впрочем, она все равно верила его сладким речам, убеждая себя, что в сердце он хранит лишь ее одну, а остальные — лишь вынужденная мера ради равновесия при дворе.

Став императором, Сун Цзиньюй решил, что в наборе наложниц нет ничего предосудительного — он лишь исполнял свой долг, как и любой другой правитель. Он император, а значит, у него должен быть полный гарем красавиц. Однако сегодня, после первой брачной ночи, вкус которой он не мог забыть, он почувствовал, что должен быть к Му Цинцин добрее.

Он обернулся к наложницам и властно произнес:

— Помните, императрица — хозяйка гарема. Вы должны почитать ее и не смеее идти против нее.

Затем, добавив в голос стальных ноток, он продолжил:

— Она — императрица государства Тяньхуан, моя жена и женщина, которую я люблю больше всего. Вы должны понимать, что будет с теми, кто осмелится разгневать ее.

Присутствующие наложницы ощутили, как уважение к императрице в их сердцах выросло на порядок. После слов государя они окончательно уяснили свое место: подчиняться, соблюдать правила и не перечить.

Впрочем, это не касалось Линь Ханьшуан. Услышав эти слова, она лишь сильнее возжелала занять место императрицы.

Шэнь Цинцин, выслушав этот лицемерный монолог, с безупречным актерским мастерством улыбнулась Сун Цзиньюю. В ее глазах читались лишь нежность и благодарность, которых на самом деле не существовало. Сун Цзиньюй улыбнулся в ответ, после чего велел слугам зачитать дворцовые правила.

Вскоре после того, как наложницы разошлись, Шэнь Цинцин приняла знатных дам. Первый день в роли императрицы подошел к концу. Настоящее представление только начиналось.

<http://bllate.org/book/21590/2225373>